

Алексей ГЕРМАН:

Известия, - 1998, - 19 сент.
с. 5

Мой фильм опять на полке

Когда в России состоится премьера картины «Хрусталева, машину!», показанной на последнем Каннском фестивале, не знает никто. Даже сам режиссер.

Последнюю неделю Алексей Герман провел в Москве. Вообще-то он по бумагам уже два года как москвич с жилплощадью на Таганке, но переехать в столицу никак не получается — не

отпускают питерские дела. Да и московские дела не особо радуют. Тут удивляться нечему — счастливый человек сегодня смотрится как неприличное исключение: как, ты не пострадал от кризиса и у тебя все в порядке? Тогда немедленно съешь лимон и почувствуй себя, как вся страна.

Случай Германа, как всегда, особый.

— Алексей Юрьевич, где и когда можно увидеть ваш последний фильм «Хрусталева, машину!», над которым вы работали семь долгих лет?

— Это самый интересный вопрос, на который мне тоже бы хотелось иметь ответ. Полный цирк получается. В мае, уже во время идущего фестиваля в Канне, в Париже было срочно напечатано несколько копий картины, собственником которых стала крупная западная прокатная компания. Копии, на наш взгляд, ниже среднего уровня. Парадокс в том, что Россия не имеет собственной копии, хотя вложила в производство больше денег, чем Франция. Мы не можем ничего напечатать, не можем ничего показать. У нас на руках по-прежнему все отдельно — и звук, и изображение.

— А как же вы на днях полетите в Нью-Йорк, чтобы в Линкольн-центре показать «Хрусталева»?

— Насколько я знаю, французы послали для этого свою копию фильма, который, как нам известно, уже окупился для зарубежного продюсера, — картину купило телевидение Германии и Франции. Но для того чтобы напечатать на mosфильмовской фабрике хотя бы пять копий, нужны деньги. Между пятнадцатью и двадцатью тысячами долларов. А у нас их нет, и Госкино не получает денег с апреля, до всяких кризисов. Практически я на такой же полке, на которой оказывался по окончании каждой работы. Раньше только как враг народа, а сейчас ко мне все очень хорошо относятся. Я вхожу в их положение, они — в мое. Подводные лодки, крейсера, над которыми работали тысячи людей, вдруг распиливают на железо, а тут всего лишь какая-то картина лежит. Мне не на кого жаловаться. Значит, такая судьба.

Подходит ко мне Марк Рундштейн и говорит: «Я тебе найду деньги. Завтра жди». И пропадает. Подходит еще кто-то, совсем босс: «Алексей Юрьевич, это просто безобразие, мы завтра же все исправим...» Я могу снимать кино, но совершенно не умею добывать деньги, а мне опять говорят: да разве это деньги — двадцать тысяч, завтра утром позвоню, и никто не звонит. Вот был бы главный приз в Канне — тогда был бы другой разговор.

— Вы болезненно пережили тот провал у прессы и жюри?

— Конечно, это не тот случай, когда поражение от победы не отличить. Я обречен был ничего не получить в Канне, когда-то работал в жюри этого фестиваля, знаю его принципы. У авторского кино шансов немного. После Канна мы зареклись никогда больше не участвовать в фестивале-соревновании. Впрочем, мы никогда себе этого раньше не позволяли. Но Канн давал нам возможность все-таки закончить картину.

Президент Каннского фестиваля Жиль Жакоб сказал официально нашему представителю Александру Голутве: «Поверьте, через три-четыре года этот фильм станет классикой». Не знаю, через сколько лет, но чем-нибудь да станет. Тут у меня полная уверенность. Я хорошо помню, как ругали «Лапшина» за то, что раздражает камера, этакое броуновское движение, что ничего не понятно — где бандиты, а где небандиты, какие-то уши, градусники, вообще жеребятина. Это я все проходил. А на сегодняшний день это абсолютно простая картина: миллионер влюбился в артистку, артистка любила не его, другого. А на дворе надвигался великий террор, и то, о чем мечтал Лапшин и они все, — никогда не сбывается. Все.

Такая же абсолютная мелодрама «Хрусталева», если разобратся, просто другой киноязык. От меня ждали «Лапшина», мне говорили, не сам придумал. А тут хлоп! Все гораздо сложнее. Сейчас в некоторых европейских киножурналах пишут, что по отношению к «Хрусталеву» в Канне была совершена грубая ошибка, но ведь, главное, мне повезло, я смог что-то рассказать из того, что видел и знал в жизни и что уйдет вместе со мной, будто выпустил биографическую книжку, хотя сама история большей частью нами выдумана.

— Будущий «Хрусталева» для российского зрителя — это уже прошлое для режиссера Германа? Вы готовитесь снимать новый фильм?

— Самое удивительное, что летом со всех сторон ко мне двинулись деньги, я не знал, кому первому сказать спасибо. Не только на то, чтобы сделать копии «Хрусталева», но и на следующую большую работу. Но тут надежды опередил финансовый кризис. В течение ближайших недель станет по-

нятно, буду я снимать или нет. Мне как-то не везет: как только я картину заканчиваю, происходит кризис в стране. «Лапшина» выпустил Андропов после Брежнева, «Проверку на дорогах» выпустил Горбачев, когда умер Андропов.

— Как вы думаете, премьера «Хрусталева» в России состоится при президенте Ельцине?

— Как автору, мне менее всего хотелось бы, чтобы судьба художника в России опять зависела от царя или генерального секретаря. Да и как гражданину тоже.

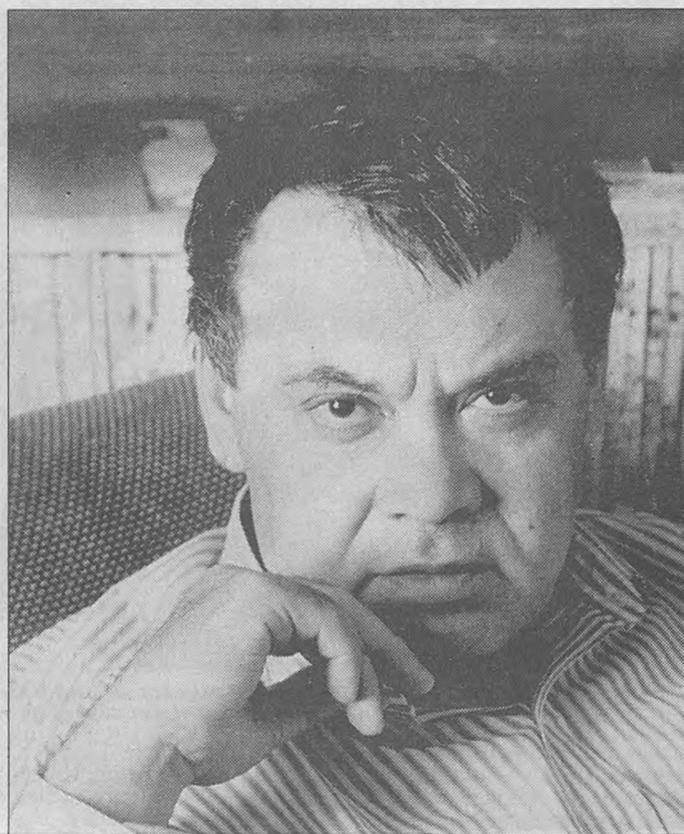
— Если деньги все-таки найдутся, вы будете снимать на «Ленфильме»?

— Я запущусь в свободное плавание: где будет выгоднее, на той студии буду снимать, ни к кому не прикипаю.

Кажется невероятным, но сейчас уничтожается студия «Ленфильм» со своей 80-летней историей и опытом — там практически прекращены съемки. Губернатору нашему до петербургского кино нет никакого дела. Для утешения петербуржцев придумано: Петербург — культурная столица. Но если бы я мог назвать фамилии мастеров, которые собираются податься в Москву, что не могу сделать без их разрешения, стал бы ясен размах катастрофы, частично спровоцированной в том числе и умиранием «Ленфильма». Ведь кино не просто изображение на экране, это притяжение артистов, музыкантов, художников, писателей. А ведь только все зашевелилось, только стала оживать культура...

— Если о больших трудностях говорит человек, который зачислен уже в киноклассики, то что говорить тем, кто еще не снял своего первого фильма.

— Меня уговорили после шестого съезда СК возглавить эксперимент — альтернативную систему кинообразования, набрать режиссеров-стажеров и учить практически, как это делали итальянские мастера. У меня образовалась команда из четырех человек, один из них прибудущий, за двоих из них ручаются, они могут стать замечательными режиссерами, надеюсь и на двух других. Они пишут сценарии, выигрывают конкурсы, получают главные призы, но всякий раз денег нет, и они начинают сначала. Они просто погибнут, если им сейчас не дать возможность снимать. Вот завтра — я руководитель «Студии первого

ИТАР-ТАСС

фильма», которая выпустила многих известных, а еще больше неизвестных, кстати, наиболее талантливых молодых режиссеров, студии, получившей множество призов — отечественных и зарубежных, так вот я завтра выясню, что в Елабуге живет Тарковский. Ну и что?! Никто не вздрогнет. В ту же очередь, Андрей Арсентьевич, номерок на ладошке и лет на десять. Бюджетные деньги. Можно и так. Тук-тук-тук к Черномырдину, тук-тук-тук к Кириенко, тук-тук-тук сейчас уже к Шохину или Примакову... Кто откажет Мордюковой или Рязанову? Известное лицо обладает магической силой. А куда сунуть свое неизвестное лицо завтрашней гордости отечественной культуры?

— Вы категорически отказываетесь говорить о своем новом фильме, тогда, если не секрет, из какой эпохи вы выбрали сюжет?

— Это будет средневековье.

— Там сегодня более всего вы находите аналогии нашей жизни?

— Остерегусь прямолинейного ответа на этот вопрос.

— Вы связываете какие-нибудь надежды с новым правительством?

— Мы с женой выиграли грант в Кэнновском центре в Вашингтоне и с первого сентября должны были надолго туда уехать. Но отказались. Мне сын заявил — почему ты считаешь, что я должен жить в Америке. Я тоже так думаю — время быть в России, при этом не превращая наше бытие во всемирную панику. Я крайне удручен, что профессиональные паникеры, имеющие на том свой барыш, определяют интонацию и ориентацию многих средств массовой информации. Мы выйдем из кризиса, когда перестанем заикливаться на двух новостях — курс доллара и курс Кремля.

— А вы готовы дать советы новому премьер-министру?

— Только как кинорежиссер. Все в восторге оттого, что он человек мрачный, тяжелый, грозный. Понятно, что раз в день он застреливает артиста Дурова, почти Штирлица. В надеждах россиянина — на кухне у него должна стоять дыба. Если в сознании людей он будет достойным, улыбчивым человеком, одалживающим другу половину всех своих денег на холодильник, образованным экономистом, кем он, наверное, все-таки является, это нынче всех изрядно разочарует. Его призвали как человека, который хоть кого-то наконец устроит. Поэтому совет кинорежиссера — не подниматься до демократического лидера. Реформы в России ведь когда происходили, начиная с Петра I? Когда сильно резали и били. Жаль, конечно, но это так. Мы страна, которая практически не жила при демократии. С 1912 по 1917 год, да и сейчас несколько лет, и то в этом плане относительных. Вся страна в памятниках Петру I, загубившему почти треть собственного народа, и, по-моему, без единого памятника Александру II, упразднившему рабство.

— Кинорежиссер Герман тут перегибает палку.

— А, это вы вспомнили мою любимую притчу?

В Театре им. Ленсовета когда-то шла сказка для взрослых. Святой находился в дупле, а дьявол обольщал его. Дьявол прикинулся хлебом, тогда святой залепил свой рот и умер от голода. На следующий раз дьявол прикинулся воздухом, святой зажал нос и умер испарившимся. Наконец, дьявол появился на сцене в образе коротконогой танцующей женщины. И тут святой в дупле не выдержал и дал совет дьяволу: «Не перегибай палку».

Ядвига ЮФЕРОВА.